

Они были мечтой...

*Она была его мечтой,
Далекой, неосязной,
Ее он образ рисовал,
На листике бумажном.*

Марина Евтушок

*Любить неразделенно, лишь мечтой.
Любить без поцелуя и объятий.*

Константин Бальмонт

Красивые и загадочные, гордые и непредсказуемые... Если бы эти женщины, яркие и очаровательные, не встречались на пути знаменитых людей, возможно, не появились бы на свет многие шедевры.

За великими художниками всегда стоят не менее великие женщины, которые вдохновляли их на создание шедевров. Одни успешно пестовали своих гениев, давая им возможность не думать о суете этого мира и полностью погрузиться в мир творчества, другие воплощали в себе идеал красоты, позволяя наслаждаться ею великим художникам. Часто эти женщины не только воплощали мечты, но и творили сами.

Луиза Казати (1881- 1957) - роковая женщина, муза целой эпохи. Маркиза Луиза Адель Роза Мария Казати, очарованная собой, посвятившая жизнь перевоплощениям, путеше-

шествиям, незабываемым балам. Она шокировала, привлекала, пугала. Ее невозможно было не заметить, ее невозможно забыть. Женщина с непомерно огромными глазами – она обводила их углем, яркая – с огненно рыжей копной волос, худая и высокая – она подчеркивала это вызывающими нарядами или полным их отсутствием. Однажды на одном из своих приемов она была "одета в змею" – и только. Казати привлекало искусство - в основном

тем, что в нем могла отразиться она сама. Она стала для себя же наркотиком. Ей необходимо было удивлять, шокировать, принимать восхищение. Дружбой с этой женщиной гордились вдохновитель и организатор «Русских сезонов» Сергей Дягилев и пианист Артур Рубинштейн, балерина Анна Павлова и модельер Эльза Скьяпарелли, ее портреты писали Джованни Больдини и Пабло Пикассо, костюмы для нее создавали Поль Пуаре и Лев Бакст, о ней писали Морис Дрюон, Теннеси Уильямс. Главным человеком ее жизни на

долгие годы становится самый знаменитый поэт и драматург того времени Габриэль Д'Аннуцио. Получить приглашение на балы и карнавалы, устраиваемые маркизой в лучших дворцах мира, было делом чести для самых знатных фамилий... Гордостью маркизы были 130 ее портретов. В преклонном возрасте маркиза продолжала оставаться Луизой Казати и все так же как магнитом притягивала к себе людей. Последние пятнадцать лет не единожды проверили ее на прочность, и она не изменила своей жажды жизни.

Дагни Юль, в замужестве Пшибышевская (1867—1901) — норвежская писательница, пианистка, переводчик, муза художников и писателей прекрасной эпохи.

На окраине Тбилиси, в районе Кукия, есть маленькое старое кладбище. Уже больше века, путешествующие по Грузии поляки и норвежцы, приходят сюда в поисках одной могилы. Впрочем, теперь и искать не нужно. Прах знаменитой «Мадонны» Эдварда Мунка, рыжеволосой Дагни Юль-Пшибышевской, был перезахоронен на видном месте, недалеко от главного входа, рядом с белой мраморной статуей Мадонны.

Дагни Юль родилась в небольшом норвежском городке Конгсвингер, где провела детство и юность. В 1898 году она приехала в Берлин обучаться музыке: игре на фортепиано и пению. Здесь она встретила своего земляка, художника Эдварда Мунка, которого знала еще по Осло. Дагни стала для Мунка настоящей музой на долгие годы. Именно с нее он написал многие свои работы. В том числе известнейшую мадонну. В Дагни был влюблен и шведский писатель Август Стринберг. Молва вообще приписывает ей целую вереницу мимолетных и продолжительных романов. Возможно, они и на самом деле были многочисленны, кто знает. Достоверно известно лишь о том, что по-настоящему она полюбила одного мужчину — польского писателя модерниста Станислава Пшибышевского, за которого она вышла замуж.

У Дагни был молодой поклонник Владислав Эмерик, сын богатого промышленника русско-польского происхождения. Они познакомились еще в Берлине, в кафе «У черного поросенка», куда Владислав тоже изредка заглядывал. В начале июня Эмерику предстояло ехать по делам отца в Тифлис, куда он пригласил всю семью Пшибышевских. Владислав и Дагни поехали первыми, Станислав обещал присоединиться к ним чуть позже вместе с дочерью Ивой. Но не успел. 5 июня 1901 года Эмерик застрелил из пистолета Дагни в номере гостиницы, где они остановились, а на следующий день застрелился сам, оставив несколько предсмертных записок. В одной из них, адресованной Пшибышевскому, он писал: «Стах, я это делаю ради тебя». Что послужило причиной убийства — остается загадкой. Дагни была похоронена в Тифлисе 8 июня, в день своего рождения. Ей исполнилось бы всего 34 года.

Дагни осталась в истории как *femme fatale*, покорившая сердце не одного мужчины, как муза художников и поэтов. Мало кто знает, что она была талантливым музыкантом, писа-

ла стихи и пьесы, которые одно время даже шли в театрах. Она оставила небогатое, но очень интересное литературное наследие – 4 пьесы, 5 новелл, 14 стихотворений. Дагни написала книгу о норвежском художнике Теодоре Киттельсене, а также переводила на норвежский произведения мужа и других польских авторов. Эта эмансипированная, свободная женщина промелькнула рыжеволосым метеором над эпохой модернизма. В 2007 году в России был снят фильм "Натурщица", в основу сценария которого был положен рассказ Ю.Нагибина "Трое и одна и еще один", рассказывающий историю Дагни и Владислава Эмерика в Тифлисе.

Мизиа Серт (Мария Годабски, мадам Натансон, мадам Эдвардс, мадам Серт, Мися, как звали ее многочисленные русские друзья и Мизия — все остальные).

Она родилась в 1872 году в Санкт-Петербурге, выросла в Бельгии, осела в Париже. В ней смешались польская, бельгийская и еврейская крови, а родным языком стал французский. Красавица, дама света, подруга Коко Шанель, Сергея Дягилева и Пабло Пикассо. Ее портреты писали Ренуар, Тулуз-Лотрек, Боннар, Вюйар, Валлоттон. Ей посвятили свои сочинения Стравинский, Равель и Пуленк, она стала прообразом двух персонажей "В поисках утраченного времени" Пруста. Поль Верлен писал для нее стихи.

Тебе стихи мои, сравниться ль их красе
С очами милыми, с их чудной красотой,
Где грезы сладкие смеются, где порою
Печалью дышит все в алмазной их росе!..

Твоей душе святой мои созданья все
Готов я посвятить восторженной душою!..
Но горе мне! Кошмар растет передо мною,
Как стая злых волков средь леса... Быть грозе!..

Вся жизнь обагрена кровавою струей!..
О, вопль души моей, как жалок пред тобой
Плач прародителей, их ропот безутешный,

Когда был меч простерт над их четою грешной!
Пред этим воплем вся печаль твоя -
Касатки резвые в день ясный сентября!

При этом Мизиа с необычайной легкостью относилась к поклонениям гениев: "Каждый раз к Новому году Малларме присылал мне гусиную печенку, сопровождаемую четверостишием. Гусиная печенка съедена, а четверостишия исчезли..." или "Я не испытываю ни малейших угрызений совести оттого, что столько прекрасных стихов потеряно, что дюжины рисунков Тулуз-Лотрека, сделанных на меня, выброшены вместе с остатками вчерашнего

обеда, что не могу найти у себя сонет Верлена, в котором он объясняет, почему я стала розой..."

Её по-настоящему можно было бы назвать музой проектов Дягилева. С момента их знакомства он неизменно входил в круг ее ближайших друзей, наряду с Коко Шанель, Равелем и Стравинским. Именно она провожала Дягилева в последний путь. На протяжении многих лет она не только вдохновляла его, но и поддерживала финансово. И, может быть, своей неординарной судьбой Мизиа Серт вписала свое имя в историю легендарных «Русских сезонов».

Она была обворожительной красавицей, но прежде всего ее отличал необыкновенный вкус во всем, что касалось искусства. Видимо, с Дягилевым её роднил еще и редкий дар – распознавать талант, там, где другие его даже не предполагали. Журналисты называли Мизию «королевой Парижа», а Поль Моран — «пожирательницей влюбленных в неё гениев».

На склоне лет, уже почти совсем потеряв зрение, Мизиа продиктовала воспоминания, в которых рассказала историю своей жизни, достойную пера романиста начала XX века. Рассказала, казалось бы, с подкупающей искренностью. На самом деле в ее книге (она назвала ее «Мизиа») о некоторых, причем важных событиях сказано расплывчато, какие-то эпизоды романтизированы, о чем-то она умалчивает, где-то говорит полуправду, а изредка и вовсе неправду. Не случайно хорошо знавшие Мизию люди, прочтя ее мемуары, улыбались и говорили, что в них есть все, кроме настоящей Мизии. Но женщине, которая способна написать: "В шестнадцать лет становилось грустно, что нельзя, не вызвав смех, вообразить себя Офелией", — можно простить все. Умерла в 1950 году в Париже.

Жанна Самари (1857—1890) — французская актриса. Модель многих полотен Огюста Ренуара.

Актриса Жанна Самари занимала значительное место в жизни художника, ее образ запечатлен в нескольких работах Ренуара, и они считаются одними из лучших портретов художника. Причем каждый портрет и композицией, и колоритом, и даже своими размерами существенно отличается друг от друга.

Очаровательная актриса не только понравилась художнику. Он почувствовал в ее внешности, в ее характере что-то привлекательное, то, что можно представить только кистью. И именно такой кистью и такими красками, которыми писал Ренуар. Ренуар видел в ней нечто большее, чем обычную земную женщину, - прекрасный и лёгкий образ, который вдохновляет нас и спустя многие десятилетия. Жанна Самари была на тот момент начинающей, но уже

довольно популярной актрисой театра «Комеди Франсез». Она дебютировала в 18 лет в роли Дорины в «Тартюфе» Мольера. На момент знакомства с Ренуаром ей было 20. Говорят, на сцене она преображалась. Именно Ренуар дал Жанне вторую, бессмертную жизнь. Вряд ли кто помнил бы её сто лет спустя, ведь ее творчество не было известно за пределами Франции, несмотря на фантастическую популярность Жанны Самари на Родине. Самари обожали, боготворили. И сама она была очень доброй, весёлой и жизнерадостной, улыбка никогда не сходила с её лица. Самари отличалась живостью характера, и всегда была душой любой компании. В то время о Жанне писали, что она обладает некоей необыкновенной магией, притягивая к себе всё внимание одним своим появлением на сцене, весёлым смехом, похожим на звенящий колокольчик. Но обессмертило её не театральное амплуа, не её характер и не её талант. Огюст Ренуар сделал актрису действительно знаменитой.

Посмотрим на картину
Мы чуть издалека,
Тогда произойдёт
С портретом Жанны чудо:
Сольются воедино
До одного мазка,
А мы придём в восторг
От этого этюда.
А юная актриса
Посмотрит нам в глаза,
Улыбка промелькнёт
В лице у Жанны живо,
И сразу засияет
Во взгляде бирюза,
И сердце ей в ответ
Толкнётся шаловливо.
И нам видны живые,

Красивые черты.
И платье облегло
Её фигуру плотно.
Отрешена актриса
От всякой суеты
И кажется сейчас
Довольно беззаботной.
И с нами откровенно
Она заговорит.
И восхитимся мы
Тем, как художник зорок,
Как передать сумел он
Характер Самари,
Как написал портрет,
Что и поныне дорог!..
И. Есаулков

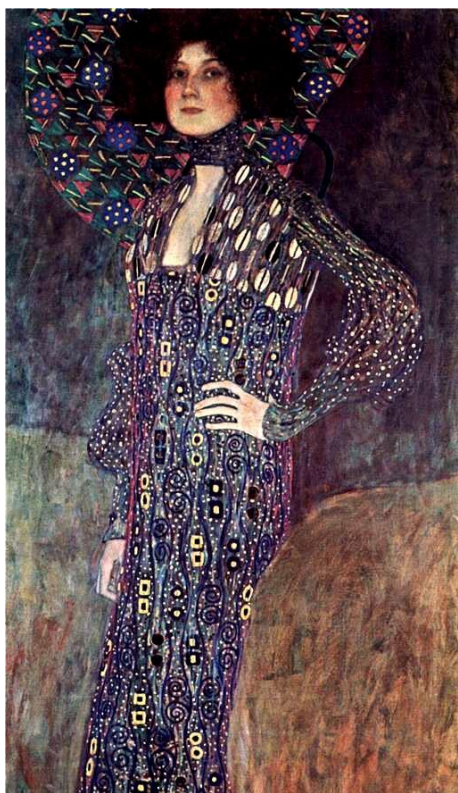
Но Ренуар был не единственным художником, писавшим портреты Жанны. Вот, например, портрет кисти Луизы Аббема (1879). Известен так же портрет Шарля Эмиля Огюста Карольюс-Дюрана (1885).

Сколько образов в одной женщине, да ещё и прожившей такую короткую жизнь! Жанна Самари ушла из жизни очень рано – в 33 года она скончалась от тифа. Муж хранил её самый знаменитый ренуаровский портрет до самой своей смерти, после чего его выкупил для своей коллекции Иван Морозов. Так картина оказалась в России.

Эмилия Флёге (1874 – 1952) - австрийский модельер, возлюбленная художника Густава Климта, бесконечно преданная Климту муза. Главными героями его картин, в основном, являются женщины, а в самих работах затрагиваются такие универсальные темы, как смерть, старость и любовь, переданные яркими цветами и гаммами золотого с плавными переходами, что придает индивидуальность его творчеству.

Встретившись с Эмилией в начале 1890-х, Густав уже никогда по-настоящему не расставался с ней. Эмилия Флёге училась на портниху и позднее, решив стать модельером, она вместе со своей сестрой Хеленой открыла дом моды «Сестры Флёге». Салон быстро стал

популярным. Иконами стиля среди своих современниц Эмилия называла Коко Шанель и Кристиан Диор. Все остальные "модные" тенденции не признавала напрочь. Густав делал для своей любимой женщины эскизы нарядов и тканей. Роспись ткани выглядит так, словно её узоры вырезаны из полотен художника. И хотя они по неизвестным причинам так и не вступили в брак, их отношения продлились двадцать семь лет, до самой смерти художника. Роман живописца с Эмилией Флёге, несмотря на многочисленные увлечения любвеобильного Климта, стал главным в его жизни. Климт любил Эмилию всю свою жизнь. Она стала его соратницей и была для него воплощением современной, высокообразованной женщины. И, конечно же, Эмилия появляется в произведениях Климта. Первый известный портрет Флэге написан Климтом в 1891 году.

Предстала перед нами героиня
В орнаментальной плоскостной кар-
тине...
С Эмилией Климт дружен много лет,
Хотя и не был он на ней женат...
Написан им по-новому портрет,
Где вертикальный выбран был формат,

Что раньше мы у Климта не видали.
Использованы завитки, спирали.
Цветы, ритмичный шахматный мотив,
Как фон, в портрете изображены.
В орнаменте встречается разрыв –
Там руки обнажённые видны,

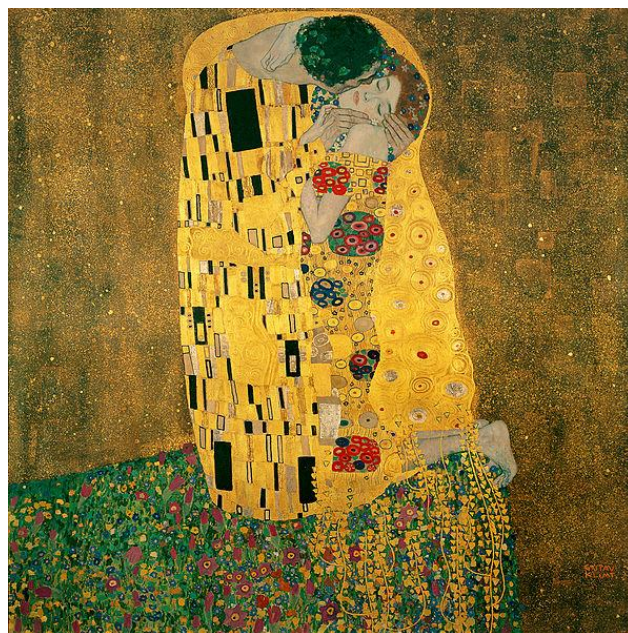
Лицо модели. Всюду арабески.
Всё это дивно, поражает блеском!
Здесь разнотипна и абстрактна вязь,
В которой дама изображена...
До дней последних протянулась связь –
И он любил, любила и она...

Художник сам придумал платье это
И подчеркнул им стройность силуэта.
Орнаментом иль россыпью цветов –
Любой деталью фона вновь и вновь! –
В портрете ослепительном готов
Климт выразить к Эмилиии любовь!

И. Есаулкин

Это не только её портреты, но и известная картина «Поцелуй».

В знаменитом "Поцелуе", Климт изобразил себя и Эмилию Флеге. Картина «Поцелуй», наверное, самое целомудренное произведение Климта. Художник, многие полотна и рисунки которого заполняют обнаженные женские фигуры, изображенные в весьма смелых позах, и который не раз шокировал современников прямой чувственностью своих работ, написал любовную сцену, не только не обнажив, но старательно задрапировав героев. «Поцелуй» можно назвать «формулой любви»: многие веками хранящиеся в памяти человечества метафоры нашли в этой картине простое и точное пластическое выражение: золотое

сияние счастья, цветущая земля, ставшая для влюбленных раем, Вселенная, в которой нет никого и ничего, кроме этих двоих, мгновение длиною в вечность... Своим целомудрием и искренностью картина сразу же завоевала сердца взыскательной венской публики. Жизни Эмилии посвящена книга Элизабет Хикей «Нарисованный поцелуй» (англ. The Painted Kiss).

Аполлония Сабатье (1822 – 1890) - французская художница, модель, хозяйка литературного салона.

В начале 1840-х годов в центре внимания французского мира искусства оказалась молодая женщина по имени Аполлония Сабатье. Ее отличала столь редкая природная красота, что художники и скульпторы рвались увековечить ее черты. К тому же она была очень приятна в общении и разговоре и держалась с обаятельной самоуверенностью. Немудрено, что мужчины так и вились вокруг нее. В своем парижском доме, ставшем излюбленным местом, она устраивала обеды, на которых постоянно бывали писатели и художники. Вскоре салон мадам Сабатье — как стали ее называть, хотя она еще не была замужем, — оказался в числе самых модных и значительных литературных салонов в стране. Среди завсегдатаев салона были Гюго, Нерваль, Сент-Бёв, Барбе д'Ореви́льи, Мюссе, Готье, Флобер, Эдмон Гонкур (он дал ей прозвище Президентша, привившееся потом в этом кругу), Берлиоз, Мане, Доре, Гюстав Флобер, его регулярно

посещал Александр Дюма-старший. Со многими из них Сабатье состояла в переписке, несколько из них оставили о ней мемуары. Позировала Курбе, другим художникам и архитекторам 1840-1860 годов.

Аполлония Сабатье представлена в романе Флобера «Воспитание чувств».

И слишком стройно сочетались
В ней все телесные черты,
Чтоб мог беспомощный анализ
Разъять созвучья красоты.
Магическое претворенье
Всех чувств моих в единый лад!
В ее дыханье слышно пенье,
А голос дарит аромат.

Шарль Бодлер

"Аполлония превосходит всех остальных женщин тем, что, несмотря на редкую красоту, не требует, чтобы за ней ухаживали... Она принадлежит к той редкой породе женщин, с которыми мужчины чувствуют себя интеллектуально и духовно свободными" – писал Пьер Жюль Теофиль Готье.

Имя Аполлонии Сабатье часто сопровождали скандалы. Так, Президентша сумела «вско-

лыхнуть» общественность, совершив довольно дерзкий по тем временам поступок – согласилась, чтобы с ее тела сделали слепок. Работа знаменитого Клезингера была прекрасна. «Женщина, укушенная Змеей», корчившаяся от боли на ложе из цветов,

привлекала тысячи глаз и вызвала настоящий переполох: скульптора обвиняли в явном бесстыдстве работы и ее неприкрытом эротизме. Но как бы то ни было, находящаяся сейчас в Лувре «Женщина, укушенная Змеей», принадлежит к самым знаменитым скульптурам XIX века.

Жизнь среди одаренных людей не прошла для нее даром – она принялась за реставрацию и рисование миниатюр. Ее учителем был знаменитый Мессонье (художник рисовал ее портрет больше восьми раз), поэтому рисовала она настолько неплохо, что заслужила одобрение большей части художественных критиков. Оставила после себя несколько дамских портретов.

Через несколько десятков лет одна из самых знаменитых французских куртизанок расплнела, её красота быстро и стремительно увядала. Друзья или разъехали, или умерли, а обеды в роскошном салоне просто перестали существовать... Но остались прекрасные работы, на которые она вдохновила!

Маргарита де Севр - актриса парижского театра миниатюр «Бель Вю».

Миллион, миллион, миллион алых роз

Из окна, из окна, из окна видишь ты...

Кто же не знает это чудаковатую, но такую искреннюю и наивную историю любви между художником и его дамой сердца. Но самое интересное то, что этот невероятно романтичный художник существовал на самом деле - и да, он действительно продал все, чтобы завалить свою возлюбленную актрису цветами... Художник, который в полном одиночестве нес бремя своего таланта, который очень хорошо знал себе цену, и, в то же время, довольствовался малым. Художник, у которого не было учителя и который придумал собственную художественную технику, оживляющую все, к чему прикасалась его кисть. Поэт и мистик, ненавидевший священников и беседовавший со Святым Георгием...

О женщине, вдохновившей Пиросмани, на самом деле известно довольно мало. Существуют документальные подтверждения того, что она на самом деле приезжала в Грузию: в 1905 году в газетах были опубликованы анонсы выступлений певицы-шансонье, танцовщицы и актрисы парижского театра миниатюр «Бель Вю» Маргариты де Севр.

В городе появились афиши: «Новость! Театр «Бель Вю». Только семь гастролей красавицы Маргариты де Севр в Тифлисе. Уникальный дар петь шансоны и одновременно танцевать кек-уок!» Нико Пиросмани впервые увидел ее на афише и влюбился. Именно тогда он и написал знаменитую картину «Актриса Маргарита». А после того, как он услышал ее пение на концерте, – решился на тот поступок, о котором потом напишут Константин Паустовский и Андрей Вознесенский. Вот она, героиня прекрасной легенды, вдохновившей Андрея Вознесенского на написание хита «Миллион алых роз».

Рассказывают, что однажды ранним утром к гостинице, где жила актриса Маргарита де Севр, вереницей тянулись арбы и тарантасы, груженные свежесрезанными розами. Цветы, конечно, никто не считал, а в повозках были не только розы. Сирень, акацию, боярышник, бегонии, анемоны, жимолость, лилии, маки, пионы выгружали охапками прямо на мостовую. Историю любви Нико рассказывают по-разному, но главное в ней – финал: «актриса Маргарита» предпочла ему богатого возлюбленного, с которым и уехала.

Портрет актрисы Маргариты – свидетель прекрасной любви. Белое лицо, белое платье, трогательно раскинутые руки, букет белых цветов – и положенные к ногам актрисы белые слова... «Белым я прощаю». Говорят, когда в Лувре в 1969 году была выставка картин Пиросмани, к портрету Маргариты каждый день приходила пожилая женщина. Она подолгу стояла у картины, утирая глаза платочком. А однажды попросила служителя музея сфотографировать ее рядом с портретом. «Да-да, я и есть Маргарита де Севр», – ответила на вопросительный взгляд старушка...

Поступок Пиросмани до сих пор вдохновляет людей на творчество и романтические действия...

Алиса Ози - французская актриса и куртизанка (1820 - 1893)

На парижском кладбище Пер-Лашез есть могила, которую украшает статуя Богоматери с младенцем Иисусом. Надгробие памятника вырезал из итальянского мрамора гениальный французский художник и скульптор Густав Доре. На потемневшем от времени камне можно прочесть имя погребенной здесь женщины. Это Алиса Ози, урожденная Жюли-Жюстина Пиллуа - незаурядная женщина необыкновенной красоты, чье сердце занимали лишь известные и очень талантливые люди. Среди них были бард Поль Брендо, герцог Д'Омаль, драматург Теофил Готье, художник Теодор Шассерио, писатель Эдмон Абу... Густав Доре был ее последним сильным увлечением. Алисе нравилось бывать в среде интеллектуалов. С Теофилом Готье, известным французским публицистом, критиком и драматургом, Алиса познакомилась еще в молодые годы. Готье полюбил ее, и артистка платила ему своей искренней привязанностью. Они были дружны до самой смерти Готье, а когда тот умер, Алиса хотела увековечить его память установкой памятника на могиле. Но власти не дали ей разрешения сделать это.

В 1848 году артистка познакомилась с художником Теодором Шассерио. С Теодором Алису познакомил Виктор Гюго, с которым ее связывала многолетняя дружба. Любовная связь актрисы с художником продолжалась всего два года, но за это время художник создал серию портретов, на которых изображал «нежную и преданную Алис». В 1850 году Шассерио закончил одно из лучших своих полотен «Спящая купальщица».

Алиса Ози умерла в 1893 году в возрасте 73 лет. Все свое состояние - 2 миллиона 900000 франков - она завещала детям нуждающихся артистов. Своих детей у нее не было.

Дина Верни (урождённая Дина Яковлевна Айбиндер, 1919—2009) — французская натурщица и галеристка. Родилась в музыкальной еврейской семье в Кишинёве (в ту пору в составе аннексированной Румынией Бессарабии).

"Я была не только натурщицей Майоля,
но и отражением его творчества.
Это больше, чем модель, это зеркало всех его идей.
Иногда художники находят в жизни персонаж,
который является отражением их замысла..."

Дина Верни

В 1925 году семья переехала в Париж, где Дина познакомилась со знаменитым скульптором, тогда уже классиком Аристидом Майолем и стала его излюбленной моделью.

Он представлял её в виде разнообразных ню в бронзе, мраморе и прочих материалах (композиции «Река», «Воздух», «Гармония» и др.). Верни позировала также Матиссу, Боннару, Дюфи, была знакома с Бретоном, Дюшаном, Таможенником Руссо, С. Поляковым, С. Шаршуном и др. Снималась в кино вместе с Жаном-Луи Барро и Бернаром Блие. Гениальному скульптору было на тот момент семьдесят три года. Дина стала его «последней музой», вдохновив на создание большого количества работ.

Много лет спустя после их первой встречи Дина назвала себя его "идеей". То есть он писал, лепил её ещё задолго до того, как встретил. И не нужно было никаких плотских прикосновений, если один вдох, одно движение карандашом по бумаге - полное духовное слияние...

Они часто спорили о высоком. Он - приверженец классики, она любит сюрреализм и абстрактное искусство, он - пожилой и старомодный, она - современная девчонка, которая обожает парижские кафе, где собираются парижские сюрреалисты, болтает с ними и поёт там песни под гитару. Она была для него не просто музой, а мечтой, образом, удивительно прекрасным. Она - собеседница. На равных. Вдохновляла, понимала, как никто, сливалась с творцом, но и сама была - личностью...

В начале второй мировой войны Дина вошла в движение Сопротивления. Была неоднократно арестована французской полицией, а потом и немцами. Только благодаря стараниям Майоля она была освобождена.

Целых десять лет Майоль, что бы ни рисовал, ни лепил - получалась Дина. Она вдохновляла, возвращала к жизни одним своим ангельским голосом, одним взглядом. Дина, как никто, чувствовала и любила Искусство, говорила про него: "Искусство для меня - это религия. Кто понимает искусство, кто однажды проник в его глубины и разгадал его предназначение, тот начинает по-настоящему понимать суть вещей. И тот всегда счастлив".

Со смертью Аристида Майоля она унаследовала все его работы. Она стала известнейшей галерейщицей, проявив незаурядный вкус и талант бизнесмена. В 1964 году Дина Верни приносит в дар французскому государству 18 монументальных бронзовых скульптур Майоля. И сейчас посетители Лувра, направляясь к знаменитой стеклянной пирамиде, проходя мимо этих скульптур, любуются прекрасными изваяниями, у многих из которых — черты и фигура нашей знаменитой землячки. В 1995 году, благодаря усилиям Верни, в Париже торжественно открылся дом — музей Майоля. Мадам Верни содержала музей без

дотаций и помощи. Дина была вынуждена расстаться со своими любимыми коллекциями старинных кукол (одной из лучших в мире, по оценкам знатоков) и исторических автографов. Дина Верни основала в Париже и фонд своего имени, который поддерживал современных художников и скульпторов. За заслуги в области искусств она неоднократно отмечалась различными наградами Франции, среди которых есть даже Орден Почетного Легиона. Дина Верни несколько раз была замужем, у нее двое взрослых сыновей, которые продолжают семейный бизнес. Её сын Бертран Лоркен — искусствовед, автор и соавтор каталогов Майоля и ряда других художников. Другой сын — Оливье Лоркен — литератор, директор фонда Верни.

В конце 1950-х Верни впервые приехала в Советский Союз, где познакомилась и подружилась со многими представителями авангардистского искусства, чьи работы впоследствии выставляла в своей парижской галерее - пишет РИА "Новости". Именно благодаря ей на Западе стали известны имена Ильи Кабакова, Эрика Булатова, Владимира Янкилевского...

К тому же времени относится и увлечение Верни песнями ГУЛАГА, которые она услышала, бывая в компаниях тогдашних советских диссидентов, правозащитников. В 1970-х Дина Верни выпустила во Франции пластинку с записями этих песен, сразу ставшую знаменитой в русскоязычном мире. Что заставило спеть блатные песни баронессе и хозяйке художественной галереи, музе французского скульптора Майоля, женщине, дружившая с Пикассо и Матиссом? Может быть, дело в ее русских корнях? Дина Верни: «Я никогда ничего не планировала. Надо просто держать глаза открытыми».

Художник

Качалось ночное марево
над белым лебяжьим хором... —
Я Вас рисовал на палевом
мельхиором.

Я видел Вас где-то раньше, —
Вы пели другие песни,
и я Вас писал в оранжевом
на небесном.

Вы были мне озарением
в ущелье для обречённых,
я Вас рисовал сиреневую
на чёрном.

Молился о Вас, да где же Вы?!
В ответ — тишина болота.
Я Вас напишу на бежевом
позолотой.

Ужели когда-то сделаю
портрет, превращенный в слово!
Я Вас обрамляю в белое
на лиловом.

Полотна мои непорочные
светлы, да кого очистили!
Но песня моя окончена.
Я опускаю кисти.

Владимир Мальчевский

Отдел обслуживания
художественной литературой
УНИЦ КНИТУ, Б-224